

— А если я верну деньги, которые растратил? Сиянь, мы дружим уже одиннадцать лет, я верну все, что заработал за эти годы... — Шань Хэ умолял, его голос был полон отчаяния.

— Дядя Гао уже вызвал полицию, — прервал его Сун Сиянь. — Шань Хэ, уже поздно.

Шань Хэ смотрел на него с недоверием, не желая верить в происходящее. Он закричал, почти срываясь:

— Ты из-за каких-то тридцати миллионов готов отправить меня за решетку? Одиннадцать лет! Мы дружим одиннадцать лет, Сун Сиянь!

— Разве это моя вина? — голос Сун Сияня стал холодным. — Это ты сам был жадным! Дядя Гао уже в прошлом году заметил твои махинации, я тебя предупредил, ты слушал? И это не только про растрату. Ты знаешь, какой ущерб компании нанесла утечка информации? А что насчет убийства? Все это — результат твоей ненасытной жадности!

— Утечка... — Шань Хэ запнулся. — Меня подпоили, я не хотел...

— Не хотел? Ты взял деньги, цена была четко оговорена, это случайность? С твоей выносливостью к алкоголю тебя могли подпоить? Шань Хэ, ты сам веришь в это?

— Сиянь... — Шань Хэ бросился вперед, почти падая на колени перед Сун Сиянем. — Прости меня в этот раз, я обещаю, больше такого не будет. Правда! Я компенсирую семье погибшего, и деньги компании верну. А если не хватит, пусть вычитают из моей зарплаты. Нет, я вообще откажусь от зарплаты, буду работать на компанию бесплатно всю жизнь. Сиянь, всего один раз, помоги мне...

Сун Сиянь смотрел на него с жалостью и гневом.

— Почему ты стал таким?

Шань Хэ вдруг замолчал, словно его задели за живое. Он резко встал.

— Ты думаешь, я хотел? Хотел стать таким? Почему вы все это раскопали? У меня все было под контролем, зачем вы мне мешаете?

Его скрытые эмоции нашли выход, и он больше не мог сдерживаться.

— Я прошу тебя помочь, а ты отказываешь? Неудивительно, что Чжэн Цзыжань бросил тебя, не сказав ни слова уехал за границу. Ты такой эгоист, готовый из-за денег предать одиннадцатилетнюю дружбу, кто захочет быть с тобой?

Он выкрикнул все, что накопилось, и после его слов в комнате воцарилась тишина.

Прошло много времени, прежде чем Сун Сиянь заговорил:

— Я эгоист? Предатель?

Он достал из кармана диктофон, включил его, и голос Шань Хэ раздался в тишине:

«...Сун Сиянь? Мой босс? Друг? Фиг вам! Я семь лет работал на него, на эту компанию, семь лет! И что он мне дал? Разве так поступают с друзьями? У него миллиарды, а у меня? Его друг, как он называет меня, до сих пор работает на него!

Не смотрите, что он всегда такой приличный, якобы чистый и непорочный. На самом деле он просто отвратительный гомосексуалист! В университете он устроил скандал в своей семье, довел бабушку до болезни. А потом? Просто разорвал отношения!

Его бывший парень не выдержал давления и уехал за границу, оставив его одного. После университета он даже не мог найти нормальную работу. Если бы ему не повезло обнаружить, что у него есть богатый отец, и получить огромное наследство, вы думаете, он сейчас был бы выше меня? Я всегда был лучше него, почему сейчас все наоборот?!»

Затем раздался другой голос:

«Директор Шань, успокойтесь, давайте выпьем...»

Сун Сиянь выключил диктофон и молча посмотрел на Шань Хэ. На этого человека, которого он называл другом одиннадцать лет.

Шань Хэ был в шоке. Словно его ударили по лицу, оставив в полной растерянности.

Сун Сиянь, сдерживая гнев и разочарование, вдруг заговорил:

— Я дам тебе тридцать миллионов. Раз уж ты так любишь деньги.

Шань Хэ резко поднял голову, его глаза загорелись надеждой.

— Правда?

— Правда. Но это не те тридцать миллионов, которые ты растратил, — Сун Сиянь продолжил. — Ты сядешь в тюрьму, искупишь свою вину. Я дам тебе другие тридцать миллионов, найму управляющего, который будет вкладывать их, а доходы будут передаваться твоим родителям, жене и детям, пока ты в тюрьме. Эти деньги обеспечат их жизнь. Конечно, если после освобождения у тебя не будет стабильного дохода, ты тоже сможешь пользоваться доходами, но основную сумму трогать нельзя. Если ты умрешь раньше меня, я устрою тебе пышные похороны, а оставшиеся деньги сложу в твой гроб.

— Ты... как ты мог... — Шань Хэ шевелил губами, но не мог выговорить ни слова.

— Шань Хэ, — позвал его Сун Сиянь, — я человек с мелкой душой, злопамятный, и добротой не отличаюсь. Тридцать миллионов — это цена нашей одиннадцатилетней дружбы. Мы оба ничего не теряем.

После того как Шань Хэ увели, Сун Сиянь некоторое время сидел на диване, погруженный в свои мысли. Зазвонил телефон, и он ответил. Помощник сообщил, что главарь бандитов, с которым сотрудничал Шань Хэ, взял деньги и пообещал не трогать его и его семью в будущем.

Что касается убийства, Шань Хэ был виновен, и наказание по закону было справедливым. Кроме него, бандиты, непосредственно совершившие преступление, тоже попали в неприятности. Шань Хэ был заказчиком, корнем этого дела, и никто не мог гарантировать, что бандиты не попытаются отомстить ему в будущем.

После того как Сун Сиянь высказал все Шань Хэ, он вдруг почувствовал острую тоску по своей дочке. Он набрал номер дома, и после трех гудков трубку взяли. В ответ раздался радостный лай Чуаньчуань.

Сун Сиянь не смог сдержать улыбки.

— Дочка, соскучилась по папе?

Чуаньчуань тут же радостно залаяла в ответ.

«Одежда лучше новая, а человек — хуже собаки».

Лян Сяофэй целую неделю сдерживался, но в конце концов не выдержал и позвонил Сун Сияню:

— Слушай, я нашел ту записку, которую ты выбросил. Не хочешь позвонить ему?

— С чего это ты так заботишься? — Сун Сиянь говорил с безразличием.

— Это вы оба, идиоты, довели меня! — Лян Сяофэй, находясь за несколько километров, чуть не взорвался от гнева. — Быть гордым — это хорошо, но ты слишком зазнался, понимаешь? Да, тогда Дикий Осел Чжэн поступил без твоего согласия, но разве он не хотел для тебя лучшего?

— Почему бы тебе не уступить один раз, сначала верни его, а потом разбирайся. Ты его вернешь, и дальше все будет так, как ты захочешь.

— Тебе почти тридцать, ты столько лет один, неужели не ради Дикого Осли? Теперь, когда все почти наладилось, зачем упрячиться? Можешь хоть немного снизить свою гордость? Я просто с ума схожу от вас двоих... Черт! Ты повесил трубку!

После того как он чуть не сошел с ума от волнения, Лян Сяофэй чуть не умер от злости. Он мрачно смотрел на телефон, затем достал записку и начал набирать номер.

— Если ты не позвонишь, я позвоню, пусть тебя это напугает!

Телефон быстро ответил, и с другой стороны послышался знакомый голос:

— Кто это?

— Угадай, — буркнул Лян Сяофэй.

На другом конце провода наступила тишина, словно человек пытался вспомнить, кто звонит.

— Сяофэй?

Лян Сяофэй холодно хмыкнул.

— Похоже, за границей не забыл друзей.

— На самом деле... я уже вернулся.

Лян Сяофэй:

— ...Можно я тебя обругаю?

Человек на другом конце вздохнул.

— Ругай.

Два дня спустя наступил Новый год. Сун Сиянь все больше ощущал, что празднование Нового года стало скучным. Без фейерверков, без той атмосферы, что была в детстве, это стало скорее обязанностью, чем радостью.

На второй день Нового года, во время семейного ужина, Чжао Линьлань, только что вернувшаяся из-за границы, поссорилась с Сун Сиянем. Причиной стал инвестиционный проект, который ей предложил друг, но на ее счету не хватало средств, и она попросила денег у Сун Сияня, но не получила желаемого.

<http://bllate.org/book/16804/1545310>